

УДК 82-3

*Т. А. Петрова***Роман А. В. Кривошапкина «Берег судьбы»:
этнографический контекст**

Амгинский лицей имени академика Л. В. Киренского, с. Амга Амгинского улуса, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности творчества народного писателя Якутии А. В. Кривошапкина на примере его романа «Берег судьбы». Данное произведение представляет большой интерес для литературоведения: этнологические зарисовки романа изучены недостаточно. На конкретных примерах из текста романа «Берег судьбы» показана качественная характеристика явлений этнокультуры – реалий этнографии и фольклора эвенов. В работе дана новая интерпретация этнографических реалий из жизни северного народа. А. В. Кривошапкин показывает на художественном материале комплекс обрядов, обычаев и связанных с ними табу.

В романе представлено художественно-эстетическое осмысление культурно-исторического наследия эвенов (ламуты) – материальной и духовной культуры этноса. Статья актуализирует проблему сохранения и популяризации знаний о традиционной и современной культуре, языке, фольклоре и этнографии одного из древнейших народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Ценностные трансформации под влиянием глобализации актуализируют изучение романа А. В. Кривошапкина «Берег судьбы». Анализ творчества эвенского поэта, прозаика, публициста, внесшего большой вклад в развитие эвенской литературы, важен и необходим также в практике школьного и вузовского образования.

Ключевые слова: эвенская литература, Андрей Кривошапкин, северный роман, «Берег судьбы», этнореалии, писатели Севера, Сибири и Дальнего Востока.

*T. A. Petrova***A. Krivoshapkin's novel The Coast of Destiny:
an ethnographic context**

L. V. Kirensky Amga Lyceum, Amga, Amginsky District, Russia

Abstract. The article considers the writing of People's writer of Yakutia Andrey Krivoshapkin on the example of his novel The Coast of Destiny. This work is of great interest for literary studies, the ethnological sketches of the novel have not been studied enough. The article gives a new interpretation of ethnographic realities from the life of the Evens. Using concrete examples from the text of the novel The Coast of Destiny, the qualitative characteristics of the phenomena of ethnoculture – the realities of ethnography and folklore of the Evens are shown. Andrey Krivoshapkin demonstrates a complex of rituals, customs and taboos associated with them on artistic material.

ПЕТРОВА Татьяна Александровна – учитель культурологии и истории, МБОУ «Амгинский лицей имени академика Л. В. Киренского», магистрант Филологического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: probaapg2005@yandex.ru

PETROVA Tatiana Aleksandrovna – teacher of cultural studies and history, Academician L. V. Kirensky Amga Lyceum, Master's student, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

The novel presents an artistic and aesthetic understanding of the cultural and historical heritage of the Evens (Lamuts) - the material and spiritual culture of the ethnic group. The article actualizes the problem of preserving and popularizing knowledge about traditional and modern culture, language, folklore and ethnography of one of the most ancient peoples of the North, Siberia and the Far East. Value transformations under the influence of globalization make the study of Andrey Krivoschapkin's novel *The Coast of Destiny* even more relevant. An analysis of the work of the Even poet, prose writer, publicist, who made a great contribution to the development of Even literature, is also important and necessary in the practice of school and university education.

Keywords: even literature, Andrey Krivoschapkin, northern novel, *The Coast of Destiny*, culture-specific words, writers of the North, Siberia and the Far East.

Постановка проблемы обусловлена исследованием творчества народного писателя Якутии А. В. Кривошапкина сквозь призму реальных связей художественной литературы с историей, этнографией, культурологией с целью выявления специфики функционирования этнографического контекста, этнореалий в романе «Берег судьбы».

Этнографический контекст прослеживается на протяжении всего творчества А. В. Кривошапкина, начиная с его ранних произведений. Тем не менее, ранее специфические особенности указанных связей не выявлялись. В романе «Берег судьбы» представлено культурно-историческое объяснение феноменов этнореалий повседневной и сакральной жизни эвенов.

Статья базируется на современных исследованиях по изучению концепции сохранения культурно-исторического наследия народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, а также на работах исследователей вопросов прозы народов Севера В. Б. Огороковой, А. Н. Мыреевой, Ю. Г. Хазанкович, Ж. В. Бурцевой и др.

Прозаическое, поэтическое и публицистическое творчество А. В. Кривошапкина является объектом исследования и отражается в трудах Н. Н. Тобурокова «Андрей Кривошапкин. Очерк жизни и творчества» [9], книге под редакцией В. В. Огрызко «Эвенская литература» [12]. Ю. Г. Хазанкович выявила типологически устойчивые хронотопы на примере повестей и романного творчества автора, изучила жанровые особенности. Отметила важность взаимовлияния национального характера и ментальности не только героев, но и самого автора произведения. Исследователь установила тенденции развития национальной эвенской прозы в контексте становления романно-эпического мышления.

В. Б. Огорокова исследовала прозаические произведения А. В. Кривошапкина, выделив этапы становления творчества автора. Ученые сфокусировали свое внимание на концепции и эволюции героя, обращение к нелегкой судьбе своего народа [12, с. 192].

Исследователи доказывают, что поэт смог передать внутреннюю силу, непоколебимость северного человека перед суровой природой [6]. Они отмечают важность высокой экологической культуры героев произведений А. В. Кривошапкина в рамках традиционного уклада жизни, истории народа в целом [12]. Ж. В. Бурцева выявила типологические признаки, составляющие критерии выделения локального Северного текста, провела анализ концепта «кочевье» на примере произведений А. В. Кривошапкина и других авторов.

Очевидно, что проза А. В. Кривошапкина изучена в жанровом, композиционном, образном, тематическом ракурсах. Однако романное творчество писателя исследовано довольно слабо, в частности, не исследовано в междисциплинарном, историко-этнографическом контекстах. Обращение к творчеству А. В. Кривошапкина через

этнореалии в романе и его повестях видится весьма продуктивным и позволит выявить художественный образ мира эвенов, запечатленный в произведениях народного писателя.

Результаты исследования.

В романе «Берег судьбы» автор уделяет пристальное внимание традиционному укладу деятельности эвенского народа, стремится воссоздать эпическую картину жизни народа. Этнографизм как часть исторической памяти может рассказать о многом. Обычаи, обряды очень устойчивы, они могут остаться от давно ушедшей эпохи на целые века. Исследование романа проводится в сравнительно-историческом и этнографическом контекстах с целью выявить особенности раскрытия характеров героев-этнотипов и связанной с этим художественной реализацией авторского замысла.

Этнограф С. А. Алексеева утверждает, что параллельно с традиционным укладом «существовали отношения зависимости и подчинения» [1, с. 18]. В романе описываются жизнь, быт, занятия народа, который живет в суровых условиях Севера [12, с. 190]. Для северных людей испокон веков основным богатством является олень (средство передвижения, пища, одежда, утварь, жилище и др.). Большинство героев романа – носители родового сознания, это общество кочевников и оно мыслит потребностями кочевого образа жизни: «где ему удобно, выбирает место, приспосабливается к нему» [2, с. 126].

Так, автор точно описывает характер, мысли, чувства представителей кочевого народа. В начале романа А. В. Кривошапкина «Берег судьбы» – пора страшнейшей засухи. Эвен – охотник, в поисках живительной влаги, совсем потерял надежду, готовится к лютой смерти оленя и всего своего рода. Вдруг он набрел на распадок, полный жизни. Увидел сочные тальники, белый ягель – спасение для оленя: «Он, воспитанный самой природой быть сдержанно-суровым, заплакал» [4, с. 11].

Настоящий эвен – это человек с высокими моральными качествами, врожденным тактом, человек, воспитанный самой Природой, выступающей в романе как глобальное существо. По ходу повествования мы видим четко построенную систему отношений между соплеменниками, непререкаемый авторитет старших, авторитет мужчины. «Байдычан сурово взглянул на Уйбанжу. Тому было достаточно, чтобы утихомириться» [4, с. 24]; «Мать подала знак дочери, чтобы та вывела братишек во двор. Мужчины пусть останутся одни и ведут свой разговор», а когда Гоголев преподнес в дар всем богачам ножи, они выскочили из чума, и вернулись с пушниной в ответ: «ламуты не привыкли брать даром» [4, с. 62].

У эвенов традиционно не принято называть главу семейства именем, величают просто – отец детей или отец первенца. «Что-то долго нет отца детей», – думала Анна [4, с. 13].

«Время у северян словно «растворено» в пространстве, пространственно-временная перспектива заложена в самом сознании северян» [10]. Время в понятии эвена сливается с самой природой, солярные объекты были важны при этом. В языке эвенов есть следы лунного времяисчисления [3, с. 130]. «После его отъезда месяц уже четыре раза появлялся на небе и снова уходил», – думал Нэге [4, с. 12].

В романе описаны отношения бэгэнов – зажиточных ламутов и кэлмэ – бедняков, находящихся в тяжелой нужде и рабстве у богачей-соплеменников. Читатель становится свидетелем разложения племенного строя эвенов. Некогда равенство всех членов рода сменилось имущественным расслоением. Так Байдычан, Корпикай, Нээдэми, Тимпоркит, Уйбанжа живут хорошо. Вот как А. В. Кривошапкин описывает момент пира по случаю приезда важного гостя из Верхоянска: «Низкий, но широкий стол ломится от еды. Чего только здесь нет: и костный мозг, и мерзлая и жареная печенка, и мерзлое оленьё молоко. Вареное мясо дымит горой, на одном подносе – медвежатина, на другом – сохатина, на третьем – оленина» [4, с. 21]. Богатых эвенов слышно издали – олени несутся быстро, и нарта без скрипа ударяется о мерзлую землю.

Общепринятой формой заключения брака у эвенов был брак по сватовству, с уплатой калыма. А. В. Кривошапкин детально описывает обряд сватовства. У ламунхинских эвенов к родителям невесты практиковалось направлять только одного свата. В этой роли выступали в основном пожилые уважаемые люди. С этой целью в чум Нэге был отправлен старик Сэмэкэн. «Это был добродушный, пожилой уже человек, отличавшийся мягким нравом. Все сородичи с уважением относились к нему. Даже богатч Нээдэми, крутой и своенравный, считался с его мнением» [4, с. 47]. Интересен момент прихода свата в дом невесты: Сэмэкэн, войдя в помещение, молча снял верхнюю одежду, также молча подсел к огню, стал подкидывать лежащие стопкой дрова в очаг. Родители Тати сразу осознали цель приезда гостя. Такой обряд чаще практиковался у томпонских эвенов [1, с. 62]. Далее автором описывается момент курения трубки. Сэмэкэн протянул свою раскуренную трубку хозяину дома, и тот принял ее, показав тем самым, что приветствует его приезд.

Брак у эвенов заключался по сватовству, если состоялся сговор между родителями жениха и невесты. К началу XX в. родители начинают прислушиваться к мнению молодых. И этот историко-этнографический факт находит художественное воплощение в романе А. В. Кривошапкина. Так, Нэге, узнав, что Нээдэми просит руки его дочери для своего сына Анания, ответил только: «Эмнэву...» (перевод: «не могу»). Он не захотел идти против воли единственной дочери, понимая, что Тати будет глубоко несчастна в богатом семействе, выполняя роль рабыни. Нэге давно решил, что дочь сама выберет себе мужа, когда придет время. Поэтому и во второй, и в третий раз Нээдэми получил отказ. «Зачем же так добиваются ее упорно? Настоящие ламуты так не поступают», – думала Анна. Сам Нэге женился на Анне вслепую. Их родители между собой договорились. «Покурили вместе, забили оленя – и все. Никакой свадьбы». Когда Анна переезжала на верховом олене в стойбище мужа, мать сказала ей: «Не оглядывайся назад, дочка. Смотри только вперед». Автор поясняет: «ламуты искренне верили этому поверью, которое гласило, что если невеста посмотрит назад, то брак может оказаться неудачным». Здесь прослеживается обряд накрывания лица невесты покрывалом во время выезда свадебного поезда невесты, семантика которого восходит к практике брака умыкания девушки. И в этом случае похищенной женщине «не позволяли видеть дорогу, чтобы она не смогла вернуться обратно» [8, с. 58].

Религиозные воззрения эвенов также находят свое отражение в романе и показаны А. В. Кривошапкиным в традиционной обрядности сородичей на протяжении всего повествования. Отмечается зависимость оленеводов и охотников от природы, ее стихий, духов-хозяев. Автор говорит о том, что отношение людей к духам-хозяевам природы различно. Напомним, что каждый природный объект, явление или предмет имеют своего духа-покровителя, чаще встречаются описания географических объектов – реки, местности, горы [3, с. 122]. Читатель может проследить ритуалы и обряды почитания духов-хозяев природы: «Дух Земли, если ты есть, пожалей меня, не дай погибнуть моей семье...» [4, с. 13]. Нэге мысленно обратился к кадару и вынул кусочек копченого жира, предназначенного для жертвоприношений», «Дух Нюлконжа нам поможет» [4, с. 19], при обращении к стихиям в корпусе романа встречаются фрагменты типа: «Наговаривая ласковые слова, одарили кусками жира дух огня» и т.д. Герои романа постоянно обращаются к духам, совершают жертвоприношения, просят совета, помощи.

В религиозном отношении эвены являются анимистами-шаманистами с развитыми культами оленя, огня, охотничьей магии. Шаман – посредник между миром людей и миром духов. А. В. Кривошапкин описывает случай прихода шамана в чум главного героя Нэге с целью его исцеления после несчастного случая. Читатель становится свидетелем шаманского камлания. «Весь вечер из чума слышались позвякивание побрякушек на одеянии шамана, его гортанные выкрики и глухие звуки бубна.» [4, с. 30]. После «схватки» со злым духом шаман повелел напоить больного кровью белого оленя.

Также описывается случай неудачной охоты Тиба и Тумээ, когда они потеряли собаку. Жена Тиба рассказала, что, когда она была маленькой, ей рассказывали бабушка и дедушка, что на этой речке давным-давно был похоронен великий шаман. Мимо его могилы ни один охотник не проезжал, не одарив чем-нибудь. На следующий день мужчины разыскали эту могилу, развели там костер, одарили умершего кусочками мяса и жира. Прочитали свои молитвы-просьбы. Позже им улыбнулась удача на охоте, и вернулся пес. «О, великий шаман помог вам, с такими словами Нэге бросил в огонь кусок жира» [4, с. 20].

В религиозных представлениях эвенов существовал культ «хозяев» природы, культ «хозяев» стихий. Были развиты промысловые культы. В систему этнических ценностей входят такие элементы, как промысловые орудия, ритуальные предметы, тотемные животные, священные деревья и т.д. «Животное выступает как прародитель человека, его учитель. Животное, а не человек выступает носителем человеческих свойств: мудрости и т. д.» [2, с. 126]. Семья главного героя имела своего идола – бессмертный дух священного белоснежного дикого оленя. «Старики утверждали, что охотник, сумевший добыть белого оленя, становится великим» [4, с. 33]. Нэге удалось добыть такого оленя на охоте. Его тщательно освежевали, оставив целыми все кости. Выделали шкуру и сшили из нее две выючные сээрука – сумы, куда аккуратно сложили череп, копыта и скелет оленя. Сумы эти все время навьючивали на оленя по кличке Дюлэкэн, то есть Счастливым, берегли их. Наступает момент, когда семья просит помощи у своего идола, «женщина мысленно умоляла помочь семье», интересен момент после этих действий: «Муж и жена сделали вид, что успокоились, а то идол мог заподозрить, что ему не верят, и тогда его магическая сила могла исчезнуть» [4, с. 34].

А. В. Кривошапкин своим художественным вниманием не обошел описание охотничьих обрядов и охотничьей магии. Охотники часто обращаются за помощью к духам, удача улыбается тем, кто неукоснительно выполняет магические ритуалы, соблюдает промысловую этику. «Может, Байанай сжалится и подбросит что-нибудь» [4, с. 12]. Видно, что охотники очень суеверны, стараются соблюдать все тонкости, касающиеся охоты, удачи, надеются на успех. «Освежевали добычу без лишнего шума, ничем не выражая свою радость. Дух охоты Байанай иначе рассердится, отвернется охотничье счастье» [4, с. 19]. Однажды Нэге забыл в лесу нож, возвращаться вместе было тягостно, и он отправил за ножом сына. «По обычаям, нельзя на ночь оставлять нож под открытым небом, иначе его хозяин уподобится женщине» [4, с. 19]. «Омчэни вернулся домой взволнованный. Зайдя в чум, не стал сразу рассказывать про то, что увидел, старался держаться степенно, хотя это удавалось ему с большим трудом. Он с детства не раз слышал, что будущему охотнику не следует излишне суетиться, быть чрезмерно болтливым, иначе удача навсегда отвернется от него». Байкун хвалит Омчэни как удачливого охотника. Тот в ответ пугается. «Нет, Нет, так не говори, Байкун, - пугался Омчэни на похвалы. Он не раз слышал, что, когда охотника сильно хвалят, удача отворачивается от него. Поэтому просто обязан был приbedняться, прикидываться слабым, неумелым» [4, с. 71].

Особое место занимала охота на медведя, она сопровождалась строгими правилами и обрядами. Напрямую медведя не называли, обращались к нему иносказательно. «Все кочевые люди преклонялись перед хозяином тайги, из-за боязни даже не называя его имени вслух» [4, с. 33]. Герои романа называют медведя ласково дедушкой. Омчэни рассказал, что нашел берлогу медведя. «Это не ты нашел, а ворон потревожил нашего дедушку – громко сказал Нэге, чтобы дух великого зверя услышал...» [4, с. 61]. «Если берлога на пути начинающего охотника, то это хорошее предзнаменование для него. Удастся добыть того зверя – быть ему великим охотником» [4, с. 61]. Считалось, что медведь сам сделал вызов охотнику. Не принять вызов равнозначно трусости. Тогда удача отвернется. В разговорах о медведе, планируя охоту, эвены называют себя вороном

и издают громкий возглас ворона: «Ку-ук!», подтверждая тем самым, что человек тут ни причем. Стараются много не обсуждать, готовятся без лишних слов. «Встали рано, до рассвета – по дороге молчали. Это было не бравადой, а степенью уважения к зверю» [4, с. 62]. В начале охоты медведя нужно обязательно предупредить, разбудить, считалось, что медвежий дух все слышит. Предки запрещали вероломную охоту на медведя. После того, как все понимали, что медведь мертв, самый молодой охотник должен был залезть в берлогу и привязать за шею зверя веревку. Когда медведя вытаскивали из берлоги, охотники также издавали вороний крик: «Ку-ук!». «Свежевали молча, в слух не хвалили, чтобы дух медведя не услышал и не стал мстить. Разделявали тушу по всем правилам, не перелаывая костей» [4, с. 63].

У эвенов был распространен обычай нимат – коллективное распределение после удачной охоты добытых трофеев. Исследователи описывают: «...любая охотничья добыча подлежала обязательному уравнительному распределению между всеми семьями стойбища» [3, с. 62]. В романе так или иначе делается упор на моменты, когда герои делятся друг с другом добычей, провиантом, табаком, это отголоски нимата.

В прошлом наблюдался патриархат и матриархат у эвенов. В работах исследователей подчеркивается, что «жизнь женщины табуирована» [8, с. 12]. Согласно поверью женщина не должна переступать через ружье, иначе оно теряет убийную силу. Сам охотник тоже плохо будет стрелять. В романе «Берег судьбы», есть сцена, в которой жена Тиба перешагнула через его ружье. «Тумээ, услышав про это, посоветовал окурить ружье дымом от костра, чтобы женский дух вместе с дымом улетучился» [4, с. 9]. Также нельзя переступать следы волков – обязательно отомстят [4, с. 35].

Хозяйственной жизни эвенов присуще четкое половозрастное разделение труда. Так, мужчины сооружали каркасы жилищ, занимались изготовлением нарт, лодок, а также орудий труда и охотничьей атрибутики.

Женщины же занимались шитьем, обработкой шкур животных, заготовкой бересты. «У эвенов издавна существовало два основных типа переносных жилищ: илум – конический чум общетунгусского типа, и чорама дю – оригинальная по своей конструкции цилиндро-коническая постройка, ураса или юрта» [3, с. 78-79]. Автор подробно описывает обе постройки: «Чора – привилегия богатых ламутов, бедные живут в тесном чуме - илуму, который сразу начинается от земли в виде конуса» [4, с. 42].

Нэге по вечерам рассказывает сыновьям легенды, например, легенду о сыновьях Агдыри, о первом олене. «Обращение к мифу, легенде позволяет писателю воссоздать мировоззрение народа, передать наиболее органичный способ его восприятия и отражения действительности, особенности его мышления» [7].

А. В. Кривошапкин посредством художественного воплощения этнореалий погружает нас в особую национальную атмосферу, что помогает читателю понять образ мыслей и внутренний мир героев. «Ламуты, в большинстве своем абсолютно искренни, как сама природа, поразительно честны, но в то же время наивны и доверчивы, как дети» [4, с. 42]. В условиях постоянной борьбы за жизнь существуют неписанные законы взаимовыручки и поддержки. «Много семей кочевало по этим местам. Оставляли в тайге своеобразные метки свидетельства – по-особому обтесывали деревья, делали суугар – дорожные знаки», «Когда приходила беда – разжигали костер, сигнал, может, кто увидит...» [4, с. 19]. «В таежной жизни доброта человеческая ценится особо, поэтому не забывается» [4, с. 54]. «Тончайшие механизмы адаптации человека к суровым климатическим условиям отразились в выработанных веками культурных комплексах народов Арктики, в их этнопедагогике, народной медицине, особом режиме питания, фольклоре, прикладном творчестве, в их обычаях и обрядах» [5, с. 100].

Заключение

Андрей Кривошапкин в романе «Берег судьбы» закономерно вводит элементы-маркеры традиционной и современной материальной и духовной культуры эвенов – оленеводов-кочевников тайги и тундры Севера и Арктики. Важной составляющей романа «Берег судьбы» являются этнореалии как ключ к пониманию психотипа героя.

При этом, безусловно, сохраняется историко-этнографический фон, в котором живут труженики Крайнего Севера. В романе отражены обряды и обычаи эвенов, элементы охотничьей магии, табу. А. В. Кривошапкин описывает также повседневную и сакральную промысловую практику. Так, его герои-добытчики часто обращаются за помощью к духам: удача улыбается тем, кто неукоснительно выполняет магические ритуалы, соблюдает промысловую этику. Автор погружает читателей в национальную атмосферу повседневного бытия; при этом становится понятен образ мыслей, внутренний мир эвенов. Кочевник – это большой ребенок, одушевляющий природу и стихии, являющийся шаманистом. Эвен не эгоистичен, не одиноличник, а герой с коллективным сознанием. Он не забывает, что является представителем родового мира; не отделен от природы – поклоняется и уважает мир людей и мир животных...

Таким образом, в романе А. В. Кривошапкина «Берег судьбы» актуализируется общая концепция сохранения для будущих поколений ценностей культурного наследия народов Арктики, а также Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

Л и т е р а т у р а

1. Алексеева, С. А. Традиционная семья у эвенов Якутии: (конец XIX- начало XX века): Историко-этнографический аспект. – Новосибирск: Наука, 2008. – 110 с.
2. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. – 368 с.
3. История и культура эвенов: историко- этнографические очерки / [В. А. Туголуков, В. А. Тураев, А. Б. Спевиковский и др.]; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – 179 с.
4. Кривошапкин, А. В. Берег судьбы. Роман / А. В. Кривошапкин // Полярная звезда: литературно-художественный и общественно-политический журнал / – Якутск. – 1956, 1993, № 3, май-июнь. – 159 с.
5. Мыреева, А. Н. «Многонациональный роман 1960-1980-х годов: Типологические аспекты» – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. – 159 с.
6. Огорокова, В. Б. Творческий путь Андрея Кривошапкина / В. Б. Огорокова // Сияние полярных огней. Якутск: Бичик, 2013. С. 98-112.
7. Пошатаева, А. В. Литературы народов Севера. – М.: Наука, 1988. – С. 43.
8. Семейная обрядность народов Сибири. – М.: Наука, 1980. – 240 с.
9. Тобуроков, Н. Н. Андрей Кривошапкин. Очерк жизни и творчества. Якутск: Северовед, 1999. – 69 с.
10. Хазанкович, Ю. Г. Время-пространство в прозе малочисленных народов Севера / Ю. Г. Хазанкович // *Studia Litterarum*. – 2017. – Т. 2. – № 2. – С. 230-243. – DOI 10.22455/2500-4247-2017-2-2-230-243. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29367674>
11. Хазанкович, Ю. Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера: монография / Ю. Г. Хазанкович; отв. ред. д. филол. н. Ч. Г. Гусейнов; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, ГОУ ВПО "Якут. гос. ун-т им. М. К. Аммосова". – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. – 129 с.
12. Эвенская литература: сб. / сост. В. Огрызко. – М.: Литературная Россия, 2005. – 381 с.

References

1. Alekseeva, S. A. Tradicionnaya sem'ya u evenov Yakutii: (konec XIX- nachalo XX veka): Istoriko-etnograficheskiy aspekt. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 110 s.
2. Gachev, G. D. Nacional'nye obrazy mira. Evraziya – kosmos kochevnika, zemledel'ca i gorca. – M.: Institut DI-DIK, 1999. – 368 s.
3. Istoriya i kul'tura evenov: istoriko- etnograficheskie ocherki / [V. A. Tugolukov, V. A. Turaev, A. B. Spevakovskiy i dr.]; Ros. akad. nauk, Dal'nevost. otd-nie. In-t istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1997. – 179 s.
4. Krivoschapkin, A. V. Bereg sud'by. Roman / A. V. Krivoschapkin // Polyarnaya zvezda: literaturno-hudozhestvennyy i obshchestvenno-politicheskiy zhurnal / – Yakutsk. – 1956, 1993, № 3, maj-iyun'. – 159 s.
5. Myreeva, A. N. «Mnogonacional'nyy roman 1960-1980-h godov: Tipologicheskie aspekty» – Novosibirsk: Nauka. Sib. predpriyatie RAN, 1997. – 159 s.
6. Okorokova, V. B. Tvorcheskiy put' Andrey Krivoschapkina / V. B. Okorokova // Siyanie polyarnyh ognej. Yakutsk: Bichik, 2013. S. 98-112.
7. Poshataeva, A. V. Literaturny narodov Severa. – M.: Nauka, 1988. – S. 43.
8. Semejnaya obryadnost' narodov Sibiri. – M.: Nauka, 1980. – 240 s.
9. Toburokov, N. N. Andrej Krivoschapkin. Ocherk zhizni i tvorchestva. Yakutsk: Severoved, 1999. – 69 s.
10. Hazankovich, Yu. G. Vremya-prostranstvo v proze malochislennykh narodov Severa / Yu. G. Hazankovich // Studia Litterarum. – 2017. – T. 2. – № 2. – S. 230-243. – DOI 10.22455/2500-4247-2017-2-2-230-243. Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29367674>
11. Hazankovich, Yu. G. Fol'klorno-epicheskie tradicii v proze malochislennykh narodov Severa: monografiya / Yu. G. Hazankovich; otv. red. d. filol. n. Ch. G. Gusejnov; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federacii, Feder. agentstvo po obrazovaniyu, GOU VPO "Yakut. gos. un-t im. M. K. Ammosova". – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2009. – 129 s.
12. Evenskaya literatura: sb. / sost. V. Ogryzko. – M.: Literaturnaya Rossiya, 2005. – 381 s.

